

КУЛЬТУРА
ЛИТЕРАТУРА
ИСКУССТВО

ПАЛЬМА ВАД ХАМИДА

РАССКАЗ

АТ-ТАЙИБ САЛИХ

Судан

ДА, СЫНОК, приедем к нам в наших краях долго не выдержать. Приедешь зимой, в сезон цветения пальмы, — все окрестности окутаны бурым облаком. Это, сынок, не пыль и не туман, что подымается с земли после обильных дождей. Это тучи мошки стоят стеной. Случалось тебе когда-нибудь видеть подобную пакость? Если и случалось, клянусь, что такой ядовитой ты еще не видывал. Возьми, сынок, сетку, накинь на голову. Она хоть и не спасет от кровососов, все же хоть немного защитит. Помню, в прошлом году в это же время мой сын пригласил погостить одного школьного товарища из города. Тот переночевал у нас, наутро встал весь опухший, с воспаленным лицом и заявил, что больше ни на день не останется.

Приедешь летом — свирепствует муха цеце. Огромная!.. Как осенний ягненок, говорим мы. По сравнению с ней мошкара — сущие пустяки. Звенит, жужжит, жалит. Стоит ей учуять людской запах, она уже не отстанет от тебя, разрази ее аллах!

Если же приедешь в иное время, не летом и не зимой, не найдешь у нас вообще ничего. Ты, конечно, каждый день читаешь газеты, слушаешь радио. Раз или два в неделю ходишь в кино. Заболеешь — лечишься в больнице. Ежели у тебя есть сын, он наверняка учится в школе. В темноте, я думаю, ты ходить не привык, выбираешь улицы, освещенные электричеством. Да и вообще ты не очень-то любишь ходить

пешком. Эх, сынок! Мощные-то дороги только в городе. Там и автомобили и автобусы, удобные, красивые. А в нашей глуши ничего этого нет.

Завтра ты уедешь, я уверен. И правильно сделаешь. Зачем тебе мучиться? У нас-то кожа дубленая, мы привыкли к такой жизни, и мы любим ее. Но ни от кого не требуем, чтобы он терпел то же, что и мы. Завтра ты уедешь, сынок, я знаю. Но прежде чем ты уедешь, позволь мне показать тебе кое-что. То, чем мы гордимся. У вас в городах музеи. Они хранят историю страны, ее былую славу. То, что я тебе покажу, тоже вроде музея. Это единственное, что нам непременно хочется показать приезжим.

Однажды, помню, приехал к нам проповедник. Правительство прислало его на месяц. Явился он как раз в то время, когда цеце была в полной силе. В первый же день у него все лицо опухло. Но он терпел. Вечером после молитвы рассуждал с нами о прелестях жизни на лоне природы. На третий день у него началась малярия, потом дизентерия, глаза превратились в щелчки. Я пошел навестить его. Он лежал в постели, а у изголовья стоял мальчишка и отгонял веткой мух. Я сказал: «Шейх, нам нечем перед тобой похвастать, но мне хочется показать тебе пальму Вад Хамида». Он не спросил, что это за пальма, хотя, думаю, слышал о ней. Да и кто о ней не слышал?! Повернул ко мне лицо, похожее на легкое забитой коровы, все оплывшее, — глаз не было видно, но я почуял, как го-

рек их взгляд, — и ответил: «Клянусь аллахом, даже если бы речь шла о вашей судьбе и от меня зависело ее решение, я бы не сдвинулся с места». Сплюнул на пол, словно обругал меня, и отвернулся. Потом мы узнали, что шейх послал тем, кто его сюда отправил, телеграмму и написал в ней: «Муха цеце съела мое мясо, малярия обглодала кости, нутро терзает дизентерия. Заберите меня отсюда, ради аллаха. Этим людям не нужен ни я, ни другой какой проповедник».

Вот мы и пришли... Потерпи, сынок, еще какой-нибудь час — и подует ветерок, отгонит от твоего лица зловредную мошкару.

Вот она, пальма Вад Хамида. Смотри, как гордо вскинула голову, какие мощные корни, какой толстый ствол, налитой, словно тело дородной женщины! Взгляни вверх, на ее крону. Не правда ли, она напоминает гриву норовистого коня? Вечером, когда солнце садится, тень от пальмы протягивается через всю реку, и в ней может укрыться даже сидящий на том берегу. А по утрам, когда солнце встает, тень пересекает поля, дома и доходит до самого кладбища. Она словно сказочный орел, осеняющий своими крыльями всю деревню.

Однажды власти задумали расширить посевные земли и потому срубить пальму, ибо, как они сказали, место, где она растет, самое удобное для установки водяной машины. Здешние жители, как ты сам видишь, люди мирные, целиком погруженные в свои заботы. Я не

помню, чтобы они хоть раз взбунтовались. Но стоило им услышать, что собираются срубить пальму, как они все разом ополчились на правительственного чиновника. Это было еще в дни иностранного господства. Муха тоже помогла — муха цеце. Поднялся шум, люди заявили: если, мол, срубят пальму, мы объявим правительству войну и будем сражаться, пока все не погибнем. А у чиновника к тому времени уже все лицо опухло, он побросал свои бумаги в реку: «Кончено, к черту проект!». Так ничего и не осуществили, и водяную машину не привезли. А пальма наша осталась.

Пошли в деревню, сынок. Сейчас только в доме спасение. В этот час, перед закатом, мошка, прежде чем уснуть, особенно свирепствует. Вытерпеть может только очень привычный человек, тот, у кого кожа задубела, как у нас. Взгляни на пальму. Вот она — гордая, статная, важная, как древний идол. Из деревни ее отовсюду видно. Да и из соседних деревень тоже.

Ты спрашиваешь, кто посадил пальму?

Никто ее не сажал, сынок. Разве земля, на которой она растет, годится для посадки? Это же камень, видишь? Огромный плоский камень на берегу, как основание памятника. А река извивается под ним словно священная змея древней богини. Нет, сынок, никто ее не сажал. Пей чай. Нужно выпить чаю после всех мытарств, что ты натерпелся. Надо думать, она выросла сама по себе. Но ни один человек не помнит ее другой — меньше, чем сейчас. У всех нас первое воспоминание детства, самое раннее, раньше которого нет воспоминаний, — гигантская пальма на берегу. Она словно граница дня и ночи, как тот слабый брезжащий свет, что еще не заря, но уже предвещает зарю. Ты улавливаешь мою мысль, сынок? Понимаешь, что я чувствую и что хочу сказать, хотя мне и очень трудно выразить это словами? Каждое новое поколение, нарождаясь, видит пальму, которая словно родилась вместе с ним. Посиди-ка с моими односельчанами, послушай, как они рассказывают друг другу свои сны. Один, проснувшись поутру, спешит поведать соседу, что брел среди широких песков, белых и блестящих, как серебро. Он шел по

ним, увязая и с трудом вытягивая ноги. Шел, шел и наконец почувствовал страшную жажду. А пескам не видно конца. Потом поднялся на холм, смотрит — на вершине густой пальмовый лес, а посреди него огромная, высокая пальма — остальные рядом с ней, что козлята рядом с верблюдом. Пальма Вад Хамида. Глядь, под пальмой горшок с молоком, а на молоке еще пена, будто оно только что надоено. Тут он напил, утолил свою жажду... Сосед выслушает рассказ и говорит: «Не иначе как сон твой сулит беду, а после нее — радость».

А не то женщина рассказывает подруге: «Приснилось мне, будто плыву я в лодке по узкой реке — если протяну руку, достану до любого берега. И несет меня огромная волна, то вскинет лодку до небес, то швырнет в темную пропасть. Я кричу что есть мочи, но крик застревает в горле. И взмолилась я: «Вад Хамид!». Откуда ни возьмись появился передо мной человек — красивый старик с белой бородой до пояса, в белой одежде, с янтарными четками в руках. Положил руку мне на лоб и сказал: «Не бойся». Весь страх мой прошел. Я взглянула на берега и увидела, что они расступились, и течение стало спокойнее. На правом берегу поля пшеницы, а на левом — пальма Вад Хамида. Прямо под ней лодка остановилась, человек вышел на берег, привязал лодку и помог мне сойти. Потом легонько ударил меня четками по плечу, подобрал с земли плоды пальмы и вложил мне в руку. Я обернулась, а его уже нет...». Подруга толкует: «Это Вад Хамид. Суждена тебе опасная болезнь, будешь на краю смерти, но исцелишься. Ты должна принести жертву Вад Хамиду под пальмой».

Вот так-то сынок. Каждый у нас, будь то мужчина или женщина, ребенок или старик, если видит сон, то уж непременно в нем присутствует пальма Вад Хамида.

Ты спрашиваешь, почему ее так назвали? Потерпи, сынок. Вот тебе еще стакан чаю.

В первые дни национальной власти приехал к нам уполномоченный, сказал, что здесь собираются строить пристань для судов, поскольку правительство хочет помочь нам в развитии. Очень горячо говорил, с большим воодушевлением. А когда

оглянулся, не увидел на лицах вокруг никакого сочувствия. Мы ведь, сынок, редко путешествуем. А ежели нужно куда-то поехать по важному делу — оформить покупку земли или развод — садимся на осла и едем до соседней деревни, где пристань. Мы уж так привыкли, для того и ослов держим. Не удивительно, что сообщение чиновника никого не тронуло. Кто-то спросил только: «А где будет пристань?». Чиновник объяснил, что единственное подходящее место — у пальмы. Если б ты видел, как поразили всех эти слова! Приведи ты женщину в чем мать родила и поставь перед всем честным народом — и то лучше б было. Мы говорим: «Ведь пароход обычно проходит здесь по средам. Если вы построите пристань, он будет останавливаться у нас в среду, после полудня». Чиновник подтверждает, что, мол, да, в среду, в четыре часа пополудни. «Но ведь как раз в это время мы посещаем гробницу Вад Хамида, ведем туда жен и детей, приносим возле пальмы жертвы во исполнение обетов — каждую неделю». Чиновник смеется: «Так перемените день». Если бы он обругал людей, обозвал последними словами, они бы так не рассердились. А тут двинулись на него стены, и, не вмешайся я, бедняге пришлось бы худо. Я посадил его на осла и велел поживей уносить ноги. Так и по сию пору пароход у нас не останавливается. И каждую среду мы приносим жертвы у пальмы Вад Хамида, как это делали наши отцы и деды.

Обожди, сынок, я помолюсь. Солнце заходит быстро. Замешкаешься — глядишь, и пропустил закат. Праведные рабы аллаха... Свидетельствую, что нет бога, кроме аллаха. Свидетельствую, что Мухаммед раб его и посланник его... Ас-салям алейком ва рахмат улла... Ас-салям алейком ва рахмат улла.

Ох, ох, спина у меня болит уже неделю. Как думаешь, сынок, отчего бы? Впрочем, я знаю, — от старости. Эх, молодость моя! Молодым я съедал в завтрак полбарана, и на ужин выпивал молоко, надоенное от пяти коров. Одной рукой подымал мешок фиников. И соврет тот, кто скажет, что боролся со мной и победил меня.

Ты хочешь спросить, сынок, как мы лечимся, когда болеем?

Я оттого смеюсь, что читаю твои мысли. Вы в городах с каждым пустяком бежите в больницу. Кто-нибудь палец зашибет и скорей к доктору. Тот ему всю руку забинтует, подвяжет к шее и велит ходить так неделю. Как-то работал я в поле и вдруг палец как обожгло — вот этот, мизинец. Гляжу — змея. Схватил я ее, зажал в кулак и придушил. Потом впился зубами в ужаленное место, высосал кровь из ранки и присыпал ее землей.

Но это ничего, говоришь ты, а что мы делаем в серьезных случаях? Вот, к примеру, наша соседка. Однажды опухло у нее горло. Два месяца не вставала с постели. Как-то ночью жар особенно усилился. Большая чудом поднялась и через силу добрела до пальмы Вад Хамида. Рассказывает: «Стою я под пальмой и еле на ногах держусь. Собрала силы и крикнула во весь голос: «Вад Хамид! Я пришла к тебе искать помощи и спасения. Лягу здесь, у твоей гробницы, под пальмой, и буду ждать либо исцеления, либо смерти». Съежилась в комочек и легла. Скоро пришел ко мне сон, и, засыпая, слышала я голоса, читающие коран. Вдруг луч яркого света, тонкий, как острие ножа, перерезал реку с одного берега до другого. Я испугалась и пала ниц. Сердце билось так, что я боялась, выскочит из груди. И явился передо мною почтенный шейх с седой бородой, в белой одежде. С улыбкой на лице он легонько ударил меня четками по голове и проговорил: «Встань». Я встала на ноги, сама не знаю как, и пошла домой. Разбудила мужа, сына, дочерей, велела разжечь огонь и вскипятить чаю. Дочери заголосили от радости, вся деревня сбегалась. И клянусь, после этого я ни разу не болела».

Да, сынок, мы не знаем дороги в больницу. Простые болезни: укусы скорпиона, лихорадка, вывихи, переломы — лечим дома. А в трудных случаях идем к пальме.

Рассказать тебе историю Вад Хамида? Или ты хочешь спать? Горожане, я слышал, поздно ложатся. А мы засыпаем вместе с птицами, когда листва на деревьях замирает, мухи перестают беспокоить коров, козы ложатся пережевывать жвачку, а маленькие цыплята прячутся под крыло матери. Мы живем

ЮРИЙ НАГИБИН. МОЯ АФРИКА. ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ, М., ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА», 1973, 245 СТР.

В книге собраны очерки и новеллы-были известного советского писателя, созданные им под непосредственным впечатлением от многочисленных поездок в страны африканского континента. Эти очерки-рассказы знакомят читателя с природой, животным миром, искусством, бытом, обликом городов и деревень, социальными проблемами и общественной жизнью ряда стран современной Африки: Марокко, Туниса, Египта, Судана, Нигерии, Дагомеи, Кении, Народной Республики Конго.

с ними одной жизнью, вместе просыпаемся, вместе засыпаем.

Мой отец рассказывал мне со слов деда, что Вад Хамид служил в далекие времена у одного беспутного человека. А сам он был праведник, но веру свою скрывал и никогда открыто не молился, чтобы хозяин его не убил. Когда жизнь его у этого безбожника стала совсем невыносимой, он взмолился, прося аллаха о спасении. И услышал голос, повелевший ему бросить молельный коврик в реку, стать на него и плыть. А где коврик прибудет к берегу, там сойти. Вад Хамид плыл, плыл и остановился у того самого места, где сейчас пальма. А место было пустынное, тогда еще никто здесь не жил. Он поселился один, молился целыми днями, а по вечерам какой-то человек приносил ему пищу. Вад Хамид поест немного и снова молится до рассвета. И деревня наша появилась на этом месте, словно из-под земли выросла. Другие деревни сначала бывают маленькие, потом разрастаются. А наша всегда была такой, как сейчас, и число ее жителей не увеличивается и не уменьшается. С тех пор как существует деревня, существует и пальма Вад Хамида. Никто не видел, как она росла, и никто не знает, как могла она вырасти на камне, где стоит, словно часовой на посту.

Жизнь наша идет по-прежнему: нет у нас ни водяной машины, ни пристани, но зато есть пальма, которая вечером бросает свою тень на противоположный берег, а утром протягивает ее через поля и дома до самого кладбища. Река течет под нею, как священная змея из древних сказок.

...Закончив рассказ, старик поглядел на меня, и в уголках его губ таилась едва заметная, как слабый свет ночника, улыбка. Я спросил: «Так когда же установят водяной насос, построит пристань и расширят посевные земли?». Немного помолчав, он ответил: «Когда люди перестанут видеть во сне пальму Вад Хамида». — «А когда настанет такое время?» — «Я говорил тебе, что мой сын учится в школе, в городе. Не я его туда послал. Он убежал самовольно. Молю бога, чтобы он оставался там и не возвращался в деревню. Когда сын моего сына кончит школу и среди нас появится много молодежи, думающей не так, как мы, вот тогда мы, возможно, установим водяной насос и расширим посевные земли. Тогда, может быть, и пароход будет останавливаться у нашей пристани, под пальмой Вад Хамида».

Я спросил: «Как ты думаешь, пальму когда-нибудь срубят?». Он посмотрел на меня долгим взглядом, словно желая, чтобы я прочел в его уставших, выцветших глазах то, что ему трудно было выразить словами: «Не будет нужды рубить пальму. Все эти люди не понимают одной простой вещи: здесь для всего хватит места — и для пальмы, и для водяной машины, и для пристани». Помолчав еще немного, старик опять взглянул на меня. Я не могу описать этот взгляд, но почему-то мне стало грустно. «Ты уедешь от нас завтра, — повторил он, — но когда вернешься к себе, вспомни нас добром и не суди слишком строго».

Перевела с арабского

В. Кирпиченко